

Воспоминания о военных годах¹

...Пехотный полк размещался в наскоро выстроенных бараках на ярмарочной площади. Там наскоро готовили строевых солдат из новобранцев для отправки на фронт и поэтому там не умолкали команды и солдатские песни, ругань фельдфебелей и прапорщиков. В тот год в одном из барачных городков разместили партию военнопленных австрийцев и мадьяр. Содержали их не строго, и на улицах часто встречались группы пленных, одетых в серые мундиры и обутых в ботинки с обмотками - удивительные эти ботинки из кожи и железа, которые, вероятно, нельзя было сносить. Пленные заводили знакомства с нашими сердобольными женщинами, которые разузнав о мастерстве пленных, приглашали к себе поработать в качестве портных или сапожников. Приходилось удивляться их аккуратной работе. Среди пленных было немало артистов и музыкантов, и мы вскоре увидели и услышали целый скрипичный ансамбль, игравший на улицах танцы. Примечательно то, что все эти инструменты они сделали сами в условиях барачной жизни и отсутствия приспособлений. Иногда они танцевали под вальсы Штрауса, кружились, положив друг другу руки на плечи, пели тирольские песни и старались учиться русскому языку у своих знакомых.

За бараками две слободы окружали старинный монастырь. Высокая шатровая колокольня и пять куполов еще издали виднелись над зеленью садов. Монастырь был обнесен высокой оборонительной стеной с бойницами и амбразурами для стрельбы. Стена была сложена из старинного крупного «пяточного» кирпича. С внутренней стороны, на сводах был помост для защитников. В монастыре три церкви и несколько двухэтажных домов для монашеских келий и разных служб. Во дворе - колодец, из которого всегда брали воду молящиеся.

(...)

Здесь в этом тихом городке, далеко от фронтов войны, мало что говорило о кровавой бойне и ее ужасах. На улицах шеголяли в новеньких «френчиках» с полным походным кожаным снаряжением прапорщики местного гарнизона. Они были завсегдатаями всех трактирных биллиардных и «турецкого» кафе на Дворянской улице, а по вечерам и городского сада, где они чувствовали себя хозяевами и вели себя далеко не по-офицерски.

В городе был кинотеатр Е. И. Яковлева, в котором шли рваные фильмы из жизни ковбоев и ханжонковские «драмы» с участием Веры Холодной. Немало труда положил в этом кинотеатре тапер Андрей Андреевич, игравший на рояле всегда одну и ту же мелодию без конца все полтора часа пока шел сеанс: «Белые бледные нежно-душистые вижу ночные цветы...»

В этом же зале театралы-любители ставили свои спектакли при обязательном участии В.А. Маслова, Похваленского, Лускаревой, Бачурина, Амшарина и многих других. На громадных афишах можно было прочесть фамилию не выходившего на сцену гримера и парикмахера Кириллова. Это был дружный коллектив, которого не чуждались и заезжие актерские труппы, приглашавшие местные силы для постановки спектаклей. Большая афишная тумба была всегда заклеена пестрыми афишами на радость «пожарному» козлу, не успевающему сдирать их и, трясая бородой, брезгливо пережевывать.

□ Свято-Троицкий монастырь в Лебедяни. Фото 1910-х гг.

Последняя труппа актеров приезжала в город летом 1917 года во главе с режиссером, трагиком Дарьяловым (по афишам), ставили «Ревизора». Владелец кинотеатра Яковлев предоставлял зал для благотворительных концертов «В пользу раненых», «Белая ромашка» или для пропаганды военных знаний и призывов к молодежи добровольцами в школы прапорщиков. Хорошо пел купец Еремеев, провизор Галактеев соревновался с ним под аккомпанемент рояля, на котором играла Ольга Петровна Косых. Обычно в этом зале бывала страшная давка, за стеной стучал двигатель «Болиндер» и фойе и зал заливал яркий электрический свет. Из Москвы приехал на время, да и остался здесь московский артист, певец Кокуль, живо включившийся в кружок любителей и поставил даже комическую оперу «Черевички».

По улицам сонно разъезжали водовозы, черпавшие воду из реки около моста, неторопливо шли на базар хозяйки, проезжали возы с загорелыми до черноты лицами крестьянами в лаптях и рваных свитах, стояли у своих лавок купцы, но что-то новое входило незаметно в эту устоявшуюся жизнь и изменяло ее.

Сначала начали обижаться купцы-ссыпщики хлеба. Повезут хлебушек... Да и кому же его вести, когда посеяли плохо, убирали без хозяина еще хуже, скотина начала переводиться и город постепенно стал ощущать нехватку продуктов.

Исчезли разменные деньги. Пошли в ход какие-то марки с изображением царей, потом появились бумажные пятаки и гривенники, стали расти цены на продукты. Все больше приезжающих с фронта раненых, они рассказывают невероятные вещи о предательстве, о нехватке винтовок, патронов и снарядов на фронте. Артиллерийский поручик Крылов, приехавший после госпиталя на побывку к отцу, всячески ругает свое командование, не верит в победу и всех носящих немецкие фамилии считает предателями:

- Нас предают высшие генералы и министры за французское золото, - кричал он в компании молодых офицеров в городском саду, - Не будем терпеть и дворцовых безобразий, пьяница и распутник царь совсем ошалел, скоро мы его прикончим.

На благотворительных вечерах выступали офицеры, призывая молодежь поступать в школы прапорщиков. Они устраивали показательные рукопашные схватки на сцене, рубку шашкой, демонстрировали приемы нападения и защиты с разным оружием.

Играл духовой оркестр и в фойе танцевали. Потом не стало оркестра. Не стало видно и офицеров на Дворянской улице, на которой они оставили по себе память в виде срубленных шашками молодых липок. Тогда эти липки были не толще руки.

Полк ушел на фронт. Однако в городе всегда толкалось множество солдат и, особенно, в базарные дни они заполняли площадь перед собором, наперебой предлагая разные предметы своего обмундирования, товар этот был весьма ходким, и вся молодежь носила кое-как перешитые солдатские шинели и гимнастерки. Солдатские папахи скупал фуражечник Свердлин и вдвое дороже продавал в своем магазине-мастерской.

В лавках лебедянских купцов давно уже не было мануфактурных товаров. Толкучий рынок наоборот стал многолюдным и был завален всевозможными вещами и поношенной одеждой. Деньги дешевели и возрождались древняя форма торговли – обмен.

Крестьяне, приезжавшие на базар из далеких волостей, часто бывали одеты в солдатские шинели и серые мерлушковые папахи. У одних пристегнут пустой рукав, у других - костыли и самодельные деревянные кисти. Изуродованные, отравленные газами они приезжали в родные края и ужасались разорению своего хозяйства, бедности в доме и никто уже не удивлялся этому повальному крестьянскому горю.

□ Кинотеатр Е.И. Яковлева на Краснослободской улице. Фото 1910–х гг.

На этом фоне бедности и несчастий, которые принесла война, особенно ярко выделялось благополучие помещичьих усадеб, их сытость и богатство. Ненавидящими глазами смотрели крестьяне на всех хорошо одетых горожан:

– Небось, из помещиков?

Появилось новое слово «буржуи» и впервые мы услышали его от крестьян в солдатских шинелях.

А иногда лебедянцы развлекались. Сходились, стенка на стенку в кулачных боях удалые молодцы из пригородных слобод, к ним присоединялись и городские. Дрались яростно, но беззлобно, соблюдая правила не бить лежачего и не топтать. Дрались, тесня друг друга до тех пор, пока «враги» не побегут врассыпную с поля боя. Вот двое подняли упавшего на снег высокого гимназиста и уводят в сторону. Размазывая по щекам кровь из разбитого носа и слезы обиды, жалуется плачущим голосом:

– Да он как меня ударил, подлец? Он меня из-под крыла вдарил! Я так никого с роду не был!

– Ладно, Витя, иди домой. Хватит с тебя.

– Кого? Меня домой? Нет, я им еще дам по соплям.

Он присоединяется к дерущимся и вновь в криках и гомоне в толпе мелькает его высокая фигура и исчезает в водовороте кулачного боя.

В здании городской думы иногда проходили какие-то тайные собрания. Туда приходили купцы со своими приказчиками и разные темные личности. Там собирались члены «Союза русского народа». Ярый черносотенец, монархист и погромщик Крылов проводил там свою «политработу». Он говорил, что в нужный момент будут известны «нам» имена таких врагов, которых нужно убрать.

– Мы им устроим «Варфоломеевскую ночь». Будьте готовы и припасайте все, что для этого нужно.

Работал Крылов ревизором на железной дороге и там его хорошо знали и побаивались. Дружил он только с начальником станции Елфимовым и агентами охранного отделения на станции Астапово. Должно быть, их объединяло прошлое. В 1905 году рабочие и служащие обсуждали события, происходившие в столице. Через станционных телеграфистов и в частности, Алексея Васильевича Ангелова, было известно о забастовках на железных дорогах. Разного рода разговоры не остались незамеченными станционными жандармами. Их было на станции два человека, службу свою они несли, встречая и провожая поезда, зорко оглядывая проезжавших пассажиров. Заглядывая во все углы, они проходили по вагонам.

Особенно важным был жандарм Кузнецов. Высокого роста и богатырского сложения он подавлял окружающих. Всегда мрачный, он сверлил собеседника своими глубокого посаженными глазами. Говорил медленно и внушительно. Не в пример ему был второй жандарм Пирогов. Щегольски брал под козырек, звякая шпорами, умел поговорить с женщинами, но куда это все девалось, когда он начинал допрос. Им была отведена комната с окнами во двор. Они тогда арестовали помощника станции Кладницкого и через несколько дней еще конторщика элеватора Пантелея Ивановича Кривошеина. Тогда элеватором ведал некто Кульпинский. Он разбогател и купил себе хорошее имение в Шовском. Конторщик был ему нужен и по его ходатайству освобожден. Кладницкого продержали дольше, но не найдя доказательств его вины, вынуждены были освободить.

По слухам, эти аресты произошли вследствие доносов Крылова, о котором все знали, что он возглавляет в Лебедяни «Союз русского народа». Его за глаза называли «черная сотня». Крылов жил в городе, он занимал весь второй этаж дома напротив больницы. Семью свою держал строго. По праздникам даже детям не давали кушать, пока не отойдет обедня в старом соборе. За столом читали молитвы до еды и после. Но это воспитание окончательно отвратило детей от отца. Старший Георгий ушел в школу прапорщиков, дочь поступила на курсы сестер милосердия.

В конце зимы кто-то поджег здание гарнизонной гауптвахты, в которой находились подследственные солдаты. Со второго этажа прыгали вниз полураздетые солдаты, кляня, на чем свет стоит, охрану. Заодно сгорела и колбасная лавка Дементьева. Солдаты подбирали круги обгоревшей колбасы, выкапывая ее из снега. Там же сгорела и турецкая пекарня, да и печь что-либо было уже не из чего. Дом этот принадлежал купцу Голеву и был еще недавно трактиром. Теперь в дымящихся развалинах дома копаются городовые и околоточный надзиратель. Конечно, в пожаре будут виноваты турки, больше никому. Об этом составляется обстоятельный протокол и запивается разбавленным денатуратом, добытым Голевым из уцелевшего подвала. Он рассчитывал получить страховку. Его работник, пленный немец, пытается рассказать нашим солдатам во дворе дома, он хлопает себя по разным частям тела и горячо убеждает ничего не понимающих солдат. Солдаты смеются, прислушавшийся к речи немца офицер громко кричит на солдат и грозит кулаком немцу: «Я тебе дам Адлера, ишь, дураков нашел...» Кричит он для порядка, ибо сам ничего не понял, о чем шла речь и кто такой Адлер.

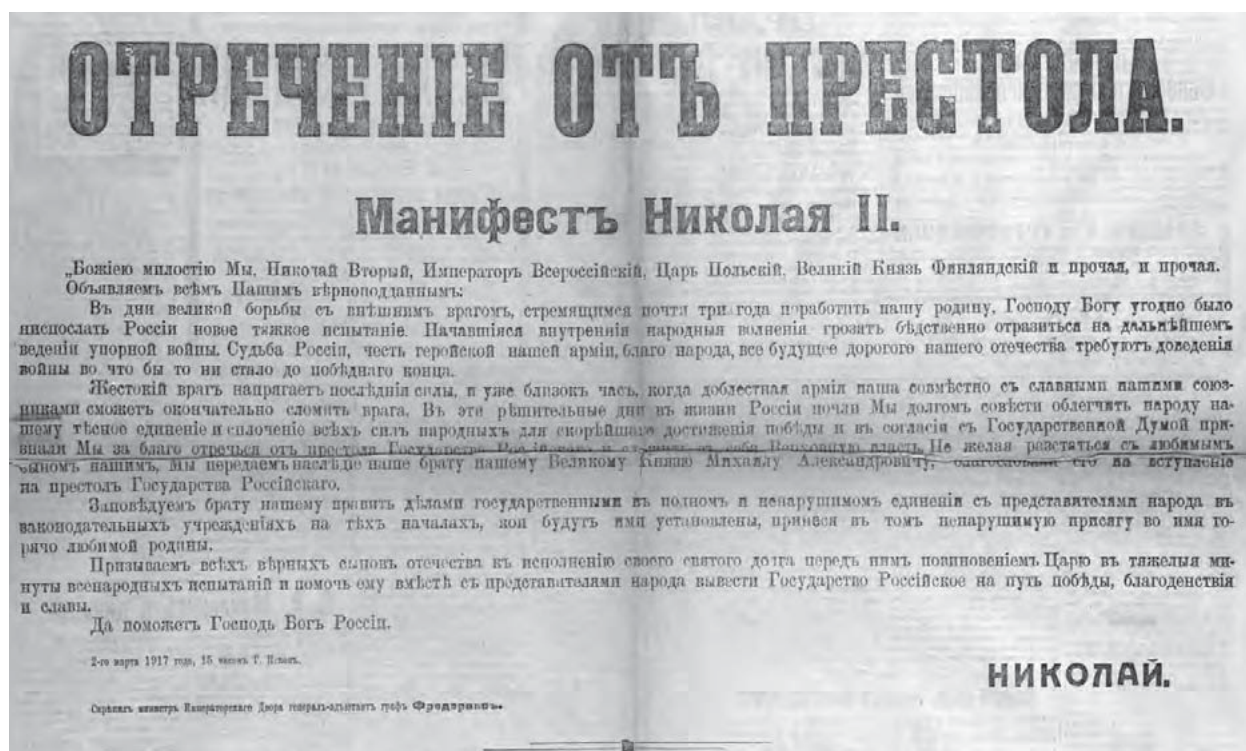
По городу на дрожках проехали офицеры в французских кэпи. Говорили, что они опрашивали пленных, искали эльзасцев и итальянцев для отправки во Францию для пополнения рядов своей поредевшей армии. Вряд ли они доехали до Франции, события тех дней разворачивались быстро, настолько быстро и непонятно, что ежедневно ползли самые невероятные слухи о дворцовых интригах, об убийстве Распутина, о Брусиловском наступлении и немецких газах, о страшных бомбардировках с немецких «Цеппелинов» и многое другое. Но еще продолжалась мирная жизнь, еще ездил на «бегунках» купец Еремеев, который

был страстным любителем бегов, содержал отличных рысистых лошадей и был непрременным участником всех конских состязаний. Хороших лошадок имели многие лебедянские купцы и помещики. Были в нашем уезде и орловские, и арабские производители, и недаром такую славу приобрели конные ярмарки.

На низком берегу Дона против Тяпкиной горы, на которой стоит город – большой ипподром с овальными беговыми дорожками, а сам берег представлял собой амфитеатр, и бега привлекали на берег многих зрителей. На этом берегу часть горы называлась «турецкой» ибо на ней прокопана дорога к Дону еще во времена русско-турецкой войны пленными турками. Теперь на ней стоят пушки и зарядные ящики, до самого каменного здания арсенала. В нее хранились винтовки, с которыми и отправляли на фронт солдат маршевого батальона. Незавидное это было оружие, винтовки «Арисака», «Веттерле», «Гра» и старинные четырехлинейные «Берданки».

Зима 1917-го принесла вести о происходивших в Москве и Петрограде волнениях и мы впервые услышали слово «революция». Обыватели хотя и волновались и настороженно ждали, во что это все выльется, но не могли себе представить что же теперь будет?

Купцы, народ осторожный, стали припрятывать свои товары и деньги. Лавки пустели, уже давно в продаже не стало сахара и некоторых других товаров, а теперь торговые ряды как вымерли. В газете крупным шрифтом напечатали манифест, отречение царя от престола.

- Так, значит... Наворочал, а теперь в кусты? Ну, на Михаила тоже надежды нет. Вот бы великого князя Николая Николаевича посадить!

- Да, где уж ему, старой песочнице? Что-то Дума теперь скажет?

Так гадали купцы и лебедянские мещане. Помещики не гадали, они, не дожидаясь теплых дней переселялись в город со всем, что смогли захватить. И хорошо сделали, ибо еще не дошли вести о Февральской революции, а мужички стали громить помещичьи усадьбы и заводишки. Вековая ненависть к тиранству крепостников и их потомков вылилась неудержимым стремлением уничтожить как можно больше и надежнее все, что составляло основу богатства помещика, жгли все дотла, разбирали скотину и ломали все, что не могли взять. Страшен был гнев народа. По ночам на небе были видны зарева далеких пожаров, жгли помещиков. Из Москвы и других городов в Лебедянь стали приезжать на жительство изголодавшиеся горожане и те, кто по своим соображениям считал за благо покинуть свои резиденции и укрыться в тихом уездном городе...

Примечания:

1. Печатается по тексту неопубликованной рукописи.